

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ ОБ АКАДЕМИКЕ АМН СССР

ВИКТОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ЖДАНОВЕ

(раздел подготовили: чл.-корр. РАМН Л.В. Урываев и академик РАН Ф.И. Ершов)

MEMOIRS OF COLLEAGUE ABOUT ACADEMICIAN OF SOVIET UNION ACADEMY OF MEDICAL SCIENCES VICTOR MIKHAILOVICH ZHDANOV

(section prepared by Uryvaev L.V., Ershov F.I.)

Н.Ф. Измеров, д.м.н., профессор, академик РАН,

научный руководитель ФГБУ «НИИ медицины труда», Заслуженный деятель науки РФ

В декабре 1960 г. я был назначен заместителем начальника отдела внешних сношений (ОВС) Министерства здравоохранения СССР. По положению, отдел отвечал за сотрудничество с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и другими международными организациями: МАГАТЭ, ФАО, ЮНИСЕФ и др.. Начальником отдела был очень опытный и знающий специалист Валерий Николаевич Бутров. И уже на февраль 1961 г. была назначена поездка делегации Минздрава СССР в Индию (Нью-Дели) для участия в работе XIV Всемирной Ассамблеи здравоохранения (ВАЗ). Делегацию возглавлял министр здравоохранения СССР С.В. Курашов, его заместителем был В.Н. Бутров, в составе членов делегации: министр здравоохранения Узбекистана Р.С. Сагатов и министр здравоохранения Таджикистана Я.Х. Якубов, академики АМН СССР П.Г. Сергиев, Н.А. Шмелёв и В.М. Жданов, профессора О.В. Макеева, А.И. Преображенский, Ю.П. Лисицын и я, отвечающий за протокол. Времени для подготовки делегации к выезду было очень мало, и началась напряжённая, почти круглосуточная, работа. Повестка для предстоящей ВАЗ была весьма обширной – это борьба с малярией, туберкулезом, проблемы борьбы с детской смертностью, и впервые была поставлена на обсуждение проблема ликвидации оспы в мире.

Подготовка к ВАЗ проходила в отделе зарубежного здравоохранения, возглавляемого Е.В. Галаховым Института организации здравоохранения им. Н.А. Семашко. Специалисты (Нечаев, Случевский, Цыбульский и др.) тщательно анализировали состояние здравоохранения в зарубежных странах по всем основным проблемам, изучали программы и бюджет ВОЗ, подготавливали все проекты резолюций и выступлений участников делегации на предстоящих заседаниях Ассамблеи и исполнительного комитета ВОЗ.

Вот тогда я лично и познакомился с В.М. Ждановым, хотя до этого знал хорошо фамилию начальника главного противоэпидемического управления МЗ СССР, заместителя министра и главного санитарного инспектора страны.

Я увидел, как работает Виктор Михайлович, как тщательно он выверяет факты, подготовленные для выступления делегатов, его требовательность к чёткости и доходчивости языка изложения предложений. К нему прислушивались и вносили поправки, для всех делегатов он был неоспоримый авторитет.

04 февраля 1961 г. на открытии XIV ВАЗ с приветственной речью выступил Джавахарлал Неру, в которой основным лейтмотивом было «право каждого жителя планеты на здоровую жизнь», затем выступали министры здравоохранения стран членов ВОЗ. Речь С.В. Курашова, выслушанная с большим вниманием, была посвящена состоянию здоровья населения СССР и особым успехам здравоохранения в республиках Средней Азии, близких соседей Индии. Далее, на основании опыта борьбы с инфекционными болезнями в СССР, он предлагает ВОЗ разработать и принять программу ликвидации оспы в мире. Его предложение было поначалу воспринято с большой настороженностью и некоторой долей скептицизма. Началась широкая дискуссия, которой, казалось, не будет конца, пока не выступил Виктор Михайлович Жданов. Его спокойная, чёткая и глубоко аргументированная речь с научным обоснованием и экономическими выкладками программы ликвидации оспы в мире в корне изменила ход дискуссии. Большинство выступающих поддержало предложение СССР, и рекомендовало генеральному директору ВОЗ д-ру Кандау тщательно изучить предложение Советского Союза, и на следующей ВАЗ представить доклад о ходе разработки Программы ликвидации оспы в мире. Итак, благодаря В.М. Жданова был сделан важнейший шаг, приведший к величайшей победе в истории борьбы с опасной инфекцией. В.М. Жданову, как члену Исполкома, было поручено возглавить разработку Программы ВОЗ по ликвидации оспы в мире и в мае 1962 г. о разработках доложить на XV ВАЗ.

Для него началась напряжённая работа, с которой он успешно справился. В мае 1962 г. в Женеве состоялась XV ВАЗ, на которой председателем был избран С.В. Курашов, министр здравоохранения Советского Союза, – впервые такая честь была оказана представителю страны из другого лагеря. В своей вступительной речи Сергей Владимирович Курашов говорил о необходимости сохранения и укрепления здоровья населения всех стран и континентов, как главного условия экономического развития и благополучия планеты. Все основные положения его доклада были единодушно поддержаны делегатами. Основным вопросом повестки XV ВАЗ была Программа ликвидации оспы в мире, разработанная под непосредственным руководством и представленная академиком АМН СССР Виктором Михайловичем Ждановым. Программа была рекомендована к принятию и началась во всех странах мира работа по её выполнению.

Через 20 лет оспа была ликвидирована во всем мире, о чём было заявлено ВОЗ, и неоценимый вклад В.М. Жданова в проблему ликвидации оспы был отмечен награждением его «Орденом Бифуркационной иглы» и Почётным дипломом «За выдающиеся заслуги в деле ликвидации оспы во всем мире». Многие специалисты нашей страны работали вместе со В.М. Ждановым по разрешению этой проблемы, и благодаря их усилиями ликвидация оспы в мире была успешно осуществлена.

Мои встречи с Виктором Михайловичем Ждановым – этим удивительно обаятельным, остроумным и редкостно высокообразованным Учёным – не ограничивались только на совещаниях и совместными зарубежными поездками. Случилось так, что мы оказались соседями по дому (Москва, ул. Беговая, д. 11), жили в одном подъезде. Бывали встречи и в неформальной обстановке дома по-соседски. А уж когда меня назначили заместителем министра здравоохранения и главным санитарным инспектором РСФСР (1962–1964 гг.), то я зачастую обращался к Виктору Михайловичу Жданову за консультациями и всегда получал дельные советы и помощь. Меня всегда поражала способность Виктора Михайловича писать, а писал он всегда и везде, даже разговаривая с собеседником.

Как-то летели мы с ним в одном самолёте в Варну (Болгария) на отдых. Сидели рядом. Перед взлётом он достаёт из кармана пиджака флягу с коньяком и, сделав несколько глотков, предлагает мне, объясняя тем, что он боится летать. Я был очень удивлен, но это оказалось действительностью. Лайнер взлетел и Виктор Михайлович, вооружившись блокнотом, начал писать. Тогда он писал учебник по эпидемиологии, это продолжалось на пляже: он искупается, садится в шезлонг и продолжает писать, отключившись от действительности. Нам предлагают фрукты, он говорит: «вот сейчас допишу 5 страницу, тогда съем абрикос».

Когда я работал в ВОЗ (ноябрь 1964 г. – июнь 1971 г.) помощником Генерального директора ВОЗ, то был свидетелем, сколь высок авторитет В.М. Жданова среди известных вирусологов мира. На всех совещаниях зарубежные специалисты его избирали председателем и он вёл все совещания. Его высоко ценил и глубоко почитал Генеральный директор ВОЗ д-р Кандау, он никогда не упускал возможности побеседовать с Виктором Михайловичем и зачастую прибегал к его советам. Беседы всегда носили доверительный и откровенный характер, в чём мне приходилось неоднократно убеждаться. Именно д-р Кандау рекомендовал В.М. Жданова избрать в члены Консультативного Комитета ВОЗ по медицинским исследованиям, куда были допущены известные мировые светила медицины и биологии. В.М. Жданов вскоре покориł членов Комитета своими знаниями, обаянием и образованностью. Его реплики, замечания и выступления воспринимались участниками Комитета с большим пониманием. Я, бывая на заседаниях Комитета, всегда удивлялся способности Виктора Михайловича одновременно слушать и писать. Вот он сидит и что-то сосредоточенно

пишет, одновременно слушает выступающего, бросает реплики, задает вопросы. Вдруг поднимает руку, председательствующий предоставляет ему слово, он начинает: «Жданов – Советский Союз» и аргументировано что-то оспаривает, возражает или поддерживает. Казалось бы, его в этом зале-то не было, но он все внимательно слушал, запоминал и теперь даёт свою оценку услышанному, соглашаясь или возражая собеседнику. Такую феноменальную способность я ни у одного из участников не наблюдал.

Сентябрь 1967г.. Ирландия, Дублин. На дерби после заседания Европейского регионального комитета. Слева-направо: д-р Каприо (региональный директор ВОЗ) с супругой, Измеров Н.Ф., Гада Прайсман, Жданов В.М.

Приезжая в Женеву, Виктор Михайлович всегда бывал у меня дома. С ним было легко и интересно общаться, если он оставался на выходные дни, то в субботу и воскресенье он с моей семьей проводил в поездках, мы ездили куда-нибудь в горы, он очень любил ездить в Гриер или Монтрё, на озеро Жу или Нью-Шатель. Вечером обязательно ходили в кино, ему было все равно, что смотреть и на каком языке – французском, английском, немецком, итальянском. Он говорил, что это полезно для языка, иногда смотрели даже по два фильма подряд. Виктор Михайлович был удивительно скромен в быту, непритязателен к еде, без всяких претензий, что вызывало к нему глубокое уважение, и многие семьи сотрудников ВОЗ, работавших в то время в Женеве, считали за особую честь пригласить В.М. Жданова к себе домой. Как-то в разговоре со мной о будущем развитии медицинской науки и, в частности, – вирусологии, он заговорил о

необходимости заняться изучением проблем молекулярной биологии вирусов, генной инженерией в вирусологии, для чего было бы полезно ознакомиться с работой современных вирусологических центров США. Но он не хотел бы с такой просьбой обращаться к Генеральному директору ВОЗ д-ру Кандау. Я пообещал ему, при случае, поговорить с д-ром Кандау и узнать его мнение. Вскоре такая возможность представилась, и д-р Кандау с особой заинтересованностью поручил отделу вирусологии ВОЗ подготовить проект программы стажировки В.М. Жданова в ведущих вирусологических центрах США. Буквально в несколько дней был выделен грант-стипендия финансового обеспечения по высшему разряду для пребывания В.М. Жданова в США. Виктору Михайловичу была направлена программа для согласования, он её согласовал, в штаб квартире ВОЗ были удивлены настойчивости просьбы и желанием Виктора Михайловича работать в лабораториях лично своими руками. Для учёного такого уровня были выделены лаборанты, помощники, ассистенты, но он захотел поработать сам.

Виктор Михайлович посетил все ведущие вирусологические центры США, работал по 12–16 ч, поражая и изумляя своих американских коллег своей любознательностью и работоспособностью. Возвратился он из командировки довольный и гордый тем, что ему удалось увидеть и поработать в самых современных вирусологических лабораториях мира. Его опыт работы нашёл позже воплощение в жизнь им руководимого Института вирусологии им. Д.И. Ивановского АМН СССР, ставшего вровень с ведущими мировыми вирусологическими центрами.

Неоценимы заслуги В.М. Жданова в развитии отечественной и мировой вирусологии, удивительного, талантливое, самобытного учёного и Учителя, организатора науки, скромного и обаятельного человека. Великое счастье подарено было судьбой всем тем, кто имел возможность общаться и знать его.

С.С. Маренникова, д.м.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
член специального комитета экспертов ВОЗ по ортопоксвирусным инфекциям

Моё знакомство и тесные рабочие контакты с Виктором Михайловичем Ждановым относятся к концу 1950-х гг.. В этот период я уже несколько лет работала в московском НИИ вакцин и сывороток им. И.И. Мечникова и в середине 1950-х гг. была избрана на должность только что созданного отдела вирусов. Отдел такого профиля был единственным в структуре этого института. Вряд ли следует доказывать, что руководство таким подразделением требовало более широкого научного кругозора, навыков координации деятельности входящих в

отдел лабораторий, осуществления научного планирования и многого другого. Такого опыта у меня тогда не было. В беседах с А.П. Музыченко, который в те годы руководил институтом, я высказала все эти соображения, и он предложил пригласить на этот начальный период моей работы кого-либо из крупных учёных в качестве консультанта. Выбор его пал на В.М. Жданова, бывшим тогда директором Института вирусологии.

С первых же посещений отдела вирусов Виктором Михайловичем я была приятно удивлена избранной им формой общения. Она характеризовалась простотой и коллегиальностью без какого либо намёка на разницу в служебном статусе и научном авторитете. Вместе с тем, такая манера сочеталась в нём с высокой требовательностью к качеству представляемых научных материалов. В связи с этим, мне вспоминается такой случай. Для обсуждения одной из тем я подготовила ряд материалов и опустила для простоты, как мне казалось, результаты изучения ряда параметров. Рассматривая эти материалы, Виктор Михайлович быстро выявил их недостаточность, и я получила строгое указание представить к следующему его приезду материалы во всей их полноте. Этот пример, как и некоторые другие, был для меня замечательной научной школой. Не могу не сказать о его способности быстро выявлять главное при рассмотрении любого серьёзного вопроса и на этой основе намечать пути для его решения.

Немного отвлекаясь от темы, я хочу напомнить, что именно им на XI ВАЗ (1958 г.) была выдвинута Программа глобальной ликвидации оспы, блестяще завершившаяся в 1980 г.. В 1961г. в связи с переводом коллектива лаборатории из НИИ вакцин и сывороток им. И.И. Мечникова в НИИ вирусных препаратов эта форма контактов с Виктором Михайловичем прекратилась. Однако помощь и советы Виктора Михайловича я получала и в дальнейшем, в том числе, – и по работе, связанной с моей деятельностью в ВОЗ по Программе глобальной ликвидации оспы. Несколько раз мне доводилось лететь вместе с Виктором Михайловичем в Женеву, в штаб-квартиру ВОЗ. И эти полёты высветили ещё одну грань его характера – высочайшую степень организованности и исключительную работоспособность. Самолёт ещё не успевал оторваться от взлётной полосы, как на столике Виктора Михайловича уже были разложены материалы, и на протяжении всего полёта он работал с какими то текстами.

Хочу отметить ещё одну особенность Виктора Михайловича. Он очень хорошо умел разбираться в людях и не боялся выдвигать молодых специалистов на ответственные должности. Так, в частности, он выдвинул мою кандидатуру для участия в Экспертной группе ВОЗ по выработке первых Международных требований к оспенной вакцине (1958 г.). Моё участие в этой группе, по-видимому, было оценено и в дальнейшем: я приглашалась в ВОЗ для участия практически во всех Экспертных комитетах и научных группах, связанных с

программой ликвидации оспы, включая Глобальную комиссию по сертификации ликвидации оспы в мире.

Заканчивая эти заметки, я хочу коснуться научного наследства Виктора Михайловича.

В период окончания Программы ликвидации оспы у нас существовал проект написания итоговой монографии, посвящённой оспе и её ликвидации. К сожалению, этот проект так и не был осуществлён. Однако остались некоторые главы, написанные отдельными авторами. В том числе – и глава Виктора Михайловича, посвящённая ликвидации оспы в России и СССР. В течение многих лет сохранялось чувство досады, что этот его труд остаётся неизвестным широкому читателю. Однако позднее при подготовке монографии «Патогенные для человека ортопоксвирусы» я решила, что эта книга будет удобным местом для публикации труда Виктора Михайловича. Его раздел был инкорпорирован в текст монографии в виде самостоятельной главы. Книга вышла в 1998 г..

В дни, когда отмечается столетие этого выдающегося учёного, мы уверены, что его имя останется не только в истории вирусологии, но и мирового здравоохранения.

А.Г. Букринская, д.м.н., профессор, член-корреспондент РАМН, супруга В.М. Жданова

Виктор Жданов – учёный острого и гибкого ума, обладающий даром научного предвидения, ярый враг догматизма и бюрократизма. Он жил в мире научных идей и творческих поисков со страстным желанием спасти человечество от угрозы смертельных болезней. Он усматривал в международной кооперации учёных широкие возможности для борьбы с болезнями, терзающими население больших и малых стран. Он был человеком мира и, в то же время, – образцовым гражданином, в любой ситуации оставаясь патриотом своей Родины.

Классификация и эволюция вирусов были любимой проблемой Виктора, его хобби. Он полагал, что эволюция органического мира и эволюция вирусов как одной из форм жизни шли параллельно, иногда пересекаясь, и человечество было бы иным, если бы эволюция жизни происходила в отрыве от эволюции вирусов. При его непосредственном участии проводилась кропотливая работа по классификации вирусов позвоночных, растений, насекомых, а эволюционные связи вирусов становятся одним из основных критериев, лежащих в основе их классификации. Оставленное Ждановым творческое наследие в области эволюции вирусов огромно: оно включает 4 монографии, а также многочисленные статьи и доклады. Особое место в этом наследии занимает его последняя книга «Эволюция вирусов», которая вышла посмертно, в 1990 г..

Виктор Жданов является основателем молекулярной вирусологии в нашей стране. «Я не совершил того, что должен был и мог совершить в своей жизни», — написал он перед смертью в своем дневнике. А он мог совершить ещё очень многое: открыть новый код жизни, изобрести средство против всех вирусных болезней, сконструировать вакцину против СПИДа ...

Его многогранная, яркая и сложная фигура ещё не раз привлечет к себе внимание биографов и займёт надлежащее место не только в сердцах его современников, но и в истории отечественной науки.

Ф.И. Ершов, д.м.н., профессор, академик РАН, руководитель отдела ФГБУ «НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи» Минздрава России

В 1962 г. молодым кандидатом наук я был приглашён В.М. Ждановым в Институт вирусологии им. Д.И. Ивановского – с тех пор, на протяжении более 25 лет имел возможность обсуждать с ним не только важные научные проблемы, но и наблюдать его в рабочей и домашней обстановке ... Виктор Михайлович Жданов постоянно стремился, по его собственному выражению, «шире раздвинуть шторы, чтобы увидеть близкие и более отдаленные перспективы развития фундаментальной и прикладной вирусологии». В этом, как впрочем, и в других сферах его кипучей деятельности, для него был характерен государственный подход к решению проблем инфекционной патологии. ещё в 1960-х гг. прошлого века, выступая в высоких правительственных кругах, с цифрами в руках (на примере стоимостной оценки разработки вакцин и результатов иммунизации против оспы, полиомиелита, гриппа, кори и краснухи) он обосновывал рентабельность науки в целом, и медицинской науки, в частности, доказывая, что наука – это область деятельности человека, которая стала действительно важной производительной силой общества. Это относится не только к физическим, химическим и техническим наукам, но и к такой, казалось бы «потребительской» науке, как медицина. Он говорил: «К сожалению, сегодня, в век биологии и медицины, даже в очень высоких государственных сферах, медицину порой несправедливо относят к “сфере обслуживания”».

Оценить истинный вклад В.М. Жданова в науку нам ещё только предстоит. Как и случае с Д.И. Ивановским, многие его идеи и разработки далеко опережали время и до сих пор не оценены по достоинству. Достаточно вспомнить разработанную им теорию об «интегративных инфекциях», связанную, как он считал, с широкой областью патологии, далеко выходящей за рамки известных инфекционных заболеваний. Ему принадлежит интересная гипотеза о

выдающейся роли вирусов в эволюции живого. Он первый предложил рассматривать интерфероны как биорегуляторы и гомеостатические агенты.

***Н.В. Каверин*, д.м.н., профессор, академик РАН, руководитель лаборатории ФГБУ «НИИ вирусологии им. Д.И. Ивановского» Минздрава России**

Лаборатория для Виктора Михайловича была лишь одним из его полей деятельности, может быть, любимым, но не главным. Его неукротимая энергия проявлялась на разных уровнях: в лаборатории, в Институте, в стране, и даже, в отличие от Чапаева в знаменитом фильме, в мировом масштабе. У меня иногда возникало ощущение, что Виктор Михайлович своей целеустремленностью и темпом кого-то мне напоминает из людей, с которыми мне приходилось встречаться. И однажды я понял – Солженицына! Казалось бы, совсем разные люди. Что общего между писателем-бунтарем и директором научного института, к тому же – лояльным членом партии? Но сходство было. Не только темп и энергия, но ощущение, что человек сам знает свою богатырскую силу и потому обращается с людьми очень осторожно, чтобы ненароком нечаянно не покалечить случайным резким движением. Впрочем, под видимой лояльностью, естественной для человека, занимавшего видное место в научной иерархии, у Виктора Михайловича скрывалась необычная широта взглядов. Иногда лояльность и глубокое понимание сути проявлялись одновременно ...

Молекулярная биология в 1960-х гг. была в почёте. Виктор Михайлович организовал в Институте грандиозную выставку зарубежного оборудования. Более того, он добился в высоких инстанциях возможности приобрести для Института большую часть экспонатов выставки, сразу выведя Институт в первые ряды московских научных учреждений по уровню оснащённости.

Случались в Институте и культурные мероприятия, причём довольно рискованного свойства. Три концерта опального в то время Владимира Высоцкого, которому у нас очень нравилось. Выставка двух художников: живописца Михаила Никонова и скульптора Марата Бабина. Оба были не в чести у начальства. М. Никонов был в опале со времени выставки в Манеже, где его и его друзей-художников громил лично Н.С. Хрущев, а М. Бабин был опальным постоянно. После выставки было обсуждение, на которое явилась вся подвергнутая вождём выволочке компания – Михаил Иванов, Павел Никонов, Владимир Вейсберг и др.. Райком был очень недоволен ...

***Р.Г. Вебстер*, профессор, руководитель отдела инфекционных болезней клиники Сент-Джуд, директор Центра по исследованию и наблюдению за гриппом Национального Института аллергии и инфекционных болезней США**

Мне повезло – в первый же месяц моей работы в лаборатории Дэвида Кингсбери там начал работать Виктор Жданов. Работа в одной лаборатории с Виктором Ждановым доставляла истинное удовольствие. Он был полон энергии и работал по 20 часов в сутки. В лаборатории он провёл три месяца и за это время внёс серьёзный вклад в знание о репликативных формах РНК вируса болезни Ньюкасла в заражённой клетке. Мы были под большим впечатлением от его высокой квалификации как экспериментатора и от его постоянной готовности обсуждать широкий круг вопросов, касавшихся как науки, так и разных областей культуры.

В этих разговорах нам случалось обсуждать мои работы по проблеме происхождения пандемических вирусов гриппа из природных резервуаров. В то время вопрос о происхождении вирусов гриппа, вызывающих эпидемии, был предметом оживленных споров. Виктор Жданов был решительным сторонником реассортационной теории происхождения пандемических вирусов и роли природных резервуаров. Он развивал эти взгляды ещё до того, как в 1972 г. в печати появилась работа, выполненная мной и Грэмом Лавером, в которой содержались данные, свидетельствующие в пользу роли вирусов гриппа птиц в происхождении пандемических вирусов гриппа.

Виктор Жданов стимулировал и поддерживал сотрудничество между лабораторией д-ра Дмитрия Львова и моей, что способствовало получению моей лабораторией статуса Центра сотрудничества ВОЗ по вирусам гриппа. Благодаря постоянной поддержке д-ра Жданова возникло длительное сотрудничество между коллективом Института вирусологии им. Д.И. Ивановского и нашей лабораторией, которое продолжается до настоящего времени.

В заключение хочу отдать дань уважения одному из величайших учёных, с кем я имел счастье работать.

***В.Н. Сойфер*, профессор, директор лаборатории молекулярной генетики Университета им. Джорджа Мейсона, Фэйрфакс, США**

Я поражался могучему проявлению внутренних сил Виктора Михайловича и способностью предаваться любому делу с полной отдачей. Именно этими качествами самоотдачи в любом деле и открытости с окружающими, желанием поддержать людей

запомнился мне Виктор Михайлович. Его жизненная философия совершенно отличалась от той, что я видел в других директорах институтов, часто далеких от альтруизма.

Интересную оценку о Викторе Михайловиче я услышал от профессора С.Е. Бреслера: «Знаете, я поражаюсь, глядя на Жданова. Он ведь был заместителем Министра здравоохранения Союза. Это ведь особая порода – барственных, самоуверенных людей, никогда не способных признавать ошибки и сваливающих их на подчинённых. А Виктор Михайлович совершенно иной человек: он сам ставит опыты, сам работает на современном оборудовании, делает фингерпринты, бегаёт с ротором от суперцентрифуги Spinko, заинтересованно обсуждает результаты с младшими сотрудниками, не стесняется публично признать, когда ошибается, он вообще прекрасный учёный. Это удивительное исключение из правил».

К.Г. Васильев, д.м.н., профессор, участник Великой Отечественной войны, полковник, почётный член Правления Конфедерации историков медицины (Москва) и Общества эпидемиологов, микробиологов и паразитологов (Киев), Ю.К. Васильев, Т.Т. Роговская

В 1930-х гг. прошлого столетия в отечественной эпидемиологии формируется ряд крупных научно-эпидемиологических школ: Л.В. Громашевского, М.Н. Соловьёва, В.А. Башенина. Общим для них было то, что они в той или иной степени были учениками и последователями Д.К. Заболотного и связаны с деятельностью первой в стране кафедры эпидемиологии в Одессе.

Школа Л.В. Громашевского, основанная на концепции эпидемического процесса и его трёх звеньев – источник инфекции, механизм передачи, восприимчивость человека к болезням – заметно отличается от представлений, сформированных Д.К. Заболотным. Постоянным оппонентом Л.В. Громашевского выступал В.А. Башенин. Для него, так же, как и для Д.К. Заболотного, «эпидемиология – наука об эпидемиях: она изучает причины возникновения эпидемий, законы их развития, условия затухания и вырабатывает меры борьбы с эпидемическими болезнями». Среднее положение среди них занимала научно-эпидемиологическая школа М.Н. Соловьёва. Он считал, что «эпидемиология – научная дисциплина, предметом которой является изучение причин и факторов распространения заразных болезней, пути предотвращения и ликвидации их. Она изучает заразные болезни как массовое явление».

Виктор Михайлович слушал в Харьковском медицинском институте лекции по эпидемиологии М.Н. Соловьёва, а затем, уже после войны, вернувшись в Харьков и работая в

институте микробиологии и эпидемиологии им. И.И. Мечникова, постоянно сотрудничал с кафедрой эпидемиологии, возглавляемой М.Н. Соловьёвым. Именно тогда формируется его эпидемиологическая концепция. Она занимала как бы среднее положение между концепцией Л.В. Громашевского и В.А. Башенина. Виктор Михайлович не отрицает представление Л.В. Громашевского о трёх звеньях эпидемического процесса, но, в то же время, делает шаг вперёд и пишет: «Эпидемический процесс, проявляющийся в чередовании трёх звеньев (источник инфекции, фактор передачи, восприимчивость людей), по своей природе должен быть отнесён к явлениям биологическим или, точнее, экологическим, и поэтому эпидемиологию можно было бы определить как экологию возбудителей заразных болезней в человеческом обществе». Тем самым В.М. Жданов интегрирует теоретические основы отечественной эпидемиологии с общеевропейскими представлениями об эколого-биологической природе эпидемий. В частности, он не отрицал существование эпидемиологии неинфекционных болезней, что категорически не признавал Л.В. Громашевский. В это же время, В.М. Жданов защищает докторскую диссертацию, посвящённую этиологии и эпидемиологии инфекционного гепатита. В 1948 г. выходит его капитальный труд «Инфекционный гепатит» (Харьков, 1948 г.), а также формируется его эпидемиологическая концепция о происхождении и эволюции инфекционных болезней человека, не имеющая аналогов в мировой литературе.

В 1950-х гг. начинается блестящая административная карьера Виктора Михайловича именно как эпидемиолога. В 1951 г. он назначается начальником санитарно-эпидемиологического управления МЗ СССР и одновременно зав.лабораторией и отделом гриппа Института вирусологии им. Д.И. Ивановского АМН СССР, с 1961 г. – директор этого института.

Виктор Михайлович – автор компактного учебника, отличающегося от объёмистой монографии «Общая эпидемиология» Л.В. Громашевского, всегда рекомендуемого студентам как учебное пособие. «Эпидемиология» Виктора Михайловича прежде и теперь привлекала внимание студентов и врачей своей краткостью и ясностью изложения основ эпидемиологических знаний. Важно подчеркнуть, что Виктор Михайлович никогда не отрицал возможность существования эпидемиологии неинфекционных болезней в соответствии с общепринятыми в западно-европейской литературе представлениями, чем, конечно же, значительно расширил возможности эпидемиологических исследований.

Всё сказанное позволяет утверждать, что В.М. Жданов был не только выдающимся отечественным вирусологом, но и крупным эпидемиологом, много сделавшим для развития отечественной науки.

Г.А. Галегов, д.м.н., профессор, руководитель лаборатории ФГБУ «НИИ вирусологии им. Д.И. Ивановского» Минздрава России

Я проработал с Виктором Михайловичем 24 года и считаю себя его учеником. За это время Виктор Михайлович создал в Институте вирусологии несколько новых лабораторий, в том числе, – и лабораторию химиотерапии вирусных инфекций, пригласив меня, молодого биохимика, организовать и возглавить её. Лаборатория приняла активное участие в комплексных исследованиях по созданию противогриппозного препарата ремантадин, который затем нашел широкое применение в медицинской практике.

В середине 1980-х гг. с возникновением проблемы ВИЧ / СПИД, Виктор Михайлович в значительной степени способствовал развитию исследований по выделению вируса иммунодефицита человека и направленных поисков эффективных противовирусных соединений, основанных на действии потенциальных ингибиторов обратной транскриптазы ВИЧ-1. Он поддержал идею использования модифицированных нуклеозидов и способствовал установлению тесных контактов с Институтом молекулярной биологии РАН, с лабораторией академика РАН Александра Антоновича Краевского. Вскоре при участии Виктора Михайловича было установлено, что среди изученных нами соединений именно 3'-азидотимидин обладает наиболее специфичной анти-ВИЧ-активностью, а его трифосфат подавляет активность обратной транскриптазы. Именно эти исследования обосновали внедрение в отечественную медицинскую практику 3'-азидотимидина (тимазида), который на протяжении ряда лет применяется для лечения ВИЧ-1-инфекции в нашей стране.

Деятельность Виктора Михайловича – классика отечественной вирусологии – была многогранной и высоко полезной для отечественного здравоохранения и медицинской науки.

М.И. Букринский, д.м.н., профессор, руководитель отдела микробиологии, иммунологии и тропической медицины Университета им. Дж. Вашингтона, Вашингтон, США

Виктор Михайлович был интересным собеседником, внимательно следил за политикой, его интересовали все последние литературные новости, он имел свое мнение обо всём.

Однажды, когда Виктор Михайлович вернулся из загранкомандировки, и в доме собрались гости, разговор зашёл о науке. «Науку нельзя делить на советскую и несоветскую», – сказал Виктор Михайлович, – «наука одна. И надо всячески стимулировать поездки наших учёных за границу, чтобы помочь им влиться в мировую науку».

Виктор Михайлович старался следовать этому принципу, посылая молодых перспективных сотрудников на стажировку за рубеж в Европу и США, что было непросто в те времена.

Прожив более 20 лет в США, я имел возможность встречаться и сотрудничать со многими выдающимися учёными. Могу сказать, что по научной эрудиции, широте интересов, числу учеников и степени влияния на научное мышление в своей области Виктор Михайлович стоит в одном ряду с великими учёными мира.

Г.Д. Засухина, д.м.н., профессор, заведующая лабораторией Института общей генетики РАН

Все знали, что Виктор Михайлович не только директор огромного Института и большую часть своего времени проводит в лаборатории, владея самыми современными методиками для решения поставленных научных задач. Перечислить все его дела и обязанности, включая должность главного редактора журнала, написание статей, монографий, учебников ит.п., просто невозможно. Все это можно охарактеризовать фантастической целеустремленностью и одержимостью наукой. Виктор Михайлович хотел как можно больше сделать, обладая способностью к невероятному труду.

Когда мы с Е.Н. Левкович попросили Виктора Михайловича быть моим оппонентом по докторской диссертации, я привезла ему диссертацию заранее, т.к. в те времена диссертации были очень объёмными (в моей было около 350 страниц), то была крайне удивлена, когда через 2 дня отзыв уже был готов. Из отзыва было видно, что работа прочитана и проанализирована. Когда он все успевал ?!

К Виктору Михайловичу относится высказывание А. Шопенгауэра, что сутью таланта является способность видеть общее в частном и беспрестанно влекущее вперед изучение фактов. Знакомство с таким человеком, как Виктор Михайлович, можно считать подарком судьбы.

Н.Н. Носик, д.м.н., профессор, заведующий лабораторией ФГБУ «НИИ вирусологии им. Д.И. Ивановского» Минздрава России

Когда произносится имя Виктора Михайловича Жданова, то сразу же возникает ряд моментов моих встреч и бесед с ним, как правило, не в хронологическом порядке, а по принципу мне неведомому.

Начну с того, что мой наставник Рахиль Михайловна Шен привела меня, аспиранта, к Виктору Михайловичу, только что пересевшему из кресла замминистра здравоохранения в кресло директора Института вирусологии (по собственной воле!), и попросила привезти для моей работы реактив. Тогда Виктор Михайлович часто ездил за рубеж и привозил в чемодане или в кармане для работы сотрудников различные реагенты, которые купить официально было нельзя, т.к. почти все попадало под графу стратегических товаров, не подлежащих продаже в СССР. Он сказал «хорошо», что-то черкнул на клочке бумажки, и ... так привез.

Второе мое общение было не совсем удачным. Пришел с жалобой, что мне для морфологической работы и съёмок препаратов нужен фотоаппарат, а мне его не дают, а вот А.Г. Букринской дали. Виктор Михайлович как-то посмотрел сквозь меня (а это он умел делать) и сказал, что лучше знает кому что надо (я тогда понятия не имел, что он был уже в начале пути к женитьбе на А.Г. Букринской).

Вспоминается год 1968. Где-то в феврале мы шли в Институт эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи на конференцию, как обычно, через дыру в заборе между нашими институтами, и Виктор Михайлович говорит мне: «Я тебя продал. Не удивляйся. Тебя вызовут в Минздрав на смотрины – приедет чиновник из ВОЗа для отбора кандидатов для работы в ВОЗе». Так я попал в ВОЗ и в конце года уехал на работу в Индию. Надо сказать, что Виктор Михайлович следил за моей службой и исправно отвечал на все мои письма, делясь институтскими новостями.

К этому времени относится и история, ставшая анекдотом и вошедшая в анналы Института вирусологии. В один из приездов из Дели в отпуск в Москву я зашёл в родной Институт, и Виктор Михайлович мне с удовлетворением сказал, что он провел исследование и теперь знает с какой скоростью в Институте распространяются слухи. И поведал следующую историю: «Прихожу в Институт утром, как обычно, в девять, и вижу, что в комнатке за моим кабинетом валяется электрический чайник, а носик от него где-то под дверью. Сказал секретарю (Ольга Эдуардовна Боксберг, личность довольно колоритная), что кто-то забыл выключить чайник, и он распаялся. Это было где-то в 9:15. А 13:00 зашел кто-то из сотрудников и сообщил новость: Носик – кто бы мог подумать! – валялся пьяным ... Да где – в женском туалете!.. Вот так – менее, чем за три часа – информация о носике от чайника вернулась ко мне, превратившись в такую пикантную, почти криминальную историю.

В Викторе Михайловиче поражало, удивляло и восхищало многое, но все отмечали его способность в любой информации ухватить основное звено цепи и тут же высказать ряд деловых соображений. А об его скоротечности ходили легенды. После Индии у меня накопилась

довольно большая англоязычная литература, и Виктор Михайлович часто книги брал и мгновенно прочитывал (бывали проблемы с возвратом книг, но Виктор Михайлович признавался, что не помнит, у кого, что взял, и просил напоминать ему). Вообще к книгам относился с любовью и уважением. Когда пришел ко мне домой, то первым делом спросил: «Где твоя библиотека? Покажи». Посмотрев на шкаф с книгами, сказал: «И этот всё?» И только после осмотра полки с книгами в коридорах был удовлетворён. И внимательно просмотрел все полки и шкафы с книгами.

На английском Виктор Михайлович говорил с чудовищным русским акцентом, твёрдо ставя каждое слово «на ноги», но бегло. А писал просто фантастично. Однажды он вернулся из Женевы и сказал, что в самолёте написал статью в американский журнал, и велел мне её просмотреть. Я был поражён, во-первых, богатством лексики и точности выражений, а во-вторых, правописанию – оно было отличным. Так мог писать только человек, думающий на языке.

Всегда с благодарностью вспоминаю наши «посиделки» на кухне у Виктора Михайловича. Было и осталось чувство прикосновения к чему-то очень значащему, историческому и государственному (в своей жизни я встретил двух людей, государственный масштаб мышления которых чувствовался за километр – Виктора Михайловича Жданова и Индиру Ганди).

Иногда Виктор Михайлович в конце дня заходил в нашу лабораторию, которая находилась и находится на первом этаже и говорил: «Поехали ко мне. Мне надо выговориться» (это не потому, что я был в друзьях, но Виктору Михайловичу надо было порассуждать вслух, а я, наверное, был на тот момент подходящим собеседником или, скорее слушателем).

А его отношение к институтским делам! Для него не было разделения первостепенного или второстепенного, если дело касалось Института. Помню, как мы пытались «пробить» разрешение на строительство кооперативного дома, и чинуши в отделе кооперативного жилья бесконечно возвращали бумаги с новыми и новыми требованиями. В какой-то момент мне сказали, что вот если бы сам академик приехал, то дело, наверняка, сдвинулось бы с мёртвой точки. Виктор Михайлович сказал: «Надо – так надо». И мы поехали вечером (приём был почему-то вечером, где-то на Баумановской), и Виктор Михайлович провёл такую беседу, что бумаги были тут же подписаны, и им немедленно был дан ход.

**О.И. Киселев, д.б.н., профессор, академик РАН, директор ФГБУ «НИИ гриппа»
Минздрава России**

В 1969 г. я, будучи аспирантом лаборатории биохимической генетики Института экспериментальной медицины АМН СССР, работал прикомандированным молодым специалистом в замечательном Институте вирусологии им. Д.И. Ивановского ... Виктор Михайлович принял нас с В.С. Гайцхоки по-королевски. В маленькой гостевой комнате за кабинетом мне в первый раз в жизни приготовил и подал чашку кофе сам директор Института, знаменитый В.М. Жданов !

Кабинет его произвел на меня неизгладимое впечатление. По стенам были развешаны электронно-микроскопические фотографии вирусов, разные графики из экспериментальных работ и динамика заболеваемости некоторыми вирусными инфекциями в нашей стране. Все это напоминало картинную галерею ... За большим столом в кабинете шла обработка последних результатов, и обсуждались планы экспериментов на следующий день. Неизменно, уходя домой в 18 ч, Виктор Михайлович держал в руках кипу журналов, которые предстояло вечером или рано утром просмотреть, прочитать ...

Виктор Михайлович гордился своими рабочими протоколами. Они были произведениями экспериментального искусства. Фактически любой блок страниц из его протоколов можно было смело брать и оформлять в виде статьи. Причем надо подчеркнуть, что оформлял и подшивал свои протоколы исследований он сам, даже без помощи лаборанта.

Библиотека Института вирусологии произвела на меня замечательное впечатление. В библиотеке можно было взять на ночь за 2–3 месяца выпуски многих отечественных и иностранных научных журналов и прочитать их в общежитии «от корки до корки». Группа, с которой я работал, – старший научный сотрудник Леонид Урываев и начинающая молодежь – трудилась без выходных по 12–14 ч.

Виктор Михайлович обладал тем исключительным обаянием, которое притягивало к нему людей. Часто выступая на научных форумах за рубежом, знал практически всех выдающихся вирусологов своего времени. Замечательные человеческие качества выдвигали Виктора Михайловича в ряд крупнейших руководителей того времени и позволяли управлять людьми без административных рычагов. Несмотря на напряженный труд сотрудников, Институт все же был интеллектуальной вольницей: в нём выступал Владимир Высоцкий, организовывались выставки художников в самые опальные для них годы.

Виктор Михайлович был одним из тех, до кого было невозможно дотянуться или даже хоть как-то и в чём-то сравнить себя с ним. Дело в том, что Виктор Михайлович представлял собой уникальную личность выше масштабов своего времени. Институт вирусологии и мои коллеги, с которыми я работал в те годы, – это часть моего аспирантского счастья, сделавшего аспирантуру между Ленинградом и Москвой незабываемыми годами.

Я никогда не работал в НИИ вирусологии им. Д.И. Ивановского. Поэтому, конечно, я не был близко знаком с Виктором Михайловичем Ждановым. Но судьба так распорядилась, что подарила мне несколько незабываемых встреч с этим удивительным человеком и великим учёным. Эти встречи с Виктором Михайловичем во многом предопределили моё отношение не только к науке, но и к жизни. Поэтому в моей памяти Виктор Михайлович остался, прежде всего, как человек, глубоко уважающий своих коллег, несмотря на их возраст, заслуги и регалии. Человек твердый в своих научных и жизненных убеждениях, всегда открытый для дискуссий, готовый выслушать, понять, прийти на помощь.

В 1985 г., после защиты кандидатской диссертации, я перешел из Института молекулярной генетики РАН в НИИ вирусных препаратов, которым тогда руководил Отар Георгиевич Анджапаридзе. По инициативе Юрия Захаровича Гендона в Институте была организована новая лаборатория клонирования вирусных геномов, в которую требовались специалисты в области молекулярной биологии и генетики. Одной из задач лаборатории было создание фаговых библиотек актуальных штаммов вирусов гриппа. В Институте вирусологии хранилась и использовалась самая обширная и охарактеризованная коллекция этих вирусов. Коллеги из института вирусологии были готовы передать нам необходимые для работы штаммы вируса, но требовалось официальное разрешение директора института, т.е. Виктора Михайловича. Подписывая официальный запрос, Отар Георгиевич напомнил одно из своих любимых изречений: «к каждой бумаге необходимо приделывать ноги». Поэтому, не полагаясь на официальную почту, взяв письмо, я отправился в Институт вирусологии. Так случилось, что пока я сидел в приёмной директора и ждал, пока зарегистрируют мое письмо, из кабинета вышел Виктор Михайлович. Увидев незнакомое лицо, он спросил меня, кто я и по какому вопросу. Услышав о моей просьбе, он попросил не уходить, а подождать минут 15–20, т.к. у него сейчас идёт совещание, а он хотел бы со мной поговорить. Действительно, минут через 15 из кабинета вышла, оживленно беседуя, группа сотрудников института. Среди них я узнал Леонида Викторовича Урываева, Аллу Григорьевну Букринскую, Георгия Артемьевича Галегова. Из их разговора я понял, что речь только что шла о каком то новом, крайне важном, научном проекте. Виктор Михайлович вышел из кабинета последним, попрощался с сотрудниками, отдал какие-то распоряжения секретарю и пригласил меня в кабинет. Все столы в кабинете были «аккуратно завалены» деловыми бумагами, оттисками статей, журналами. Передо мной на столе лежало несколько высоких горок оттисков статей, посвящённых одной из

проблем. По названиям я понял, о чем было предыдущее совещание, все статьи были посвящены новой проблеме вирусологии, появившейся в это время – ВИЧ-инфекции. Виктор Михайлович подробно расспросил меня о том, чем мы занимаемся, что и как хотим делать. Разговор постепенно перетёк к общим проблемам молекулярной вирусологии, новым вирусным инфекциям, методам исследования. Детали разговора вспомнить трудно, т.к. прошло очень много времени, но сама атмосфера разговора, доброжелательный тон разговора, внимание к собеседнику со стороны Виктора Михайловича забыть нельзя. Конечно, говорил в основном Виктор Михайлович, но, при этом, очень внимательно слушал и мои немногочисленные комментарии. Я был поражён при прощании, что мы проговорили больше получаса. Конечно, подписанное Виктором Михайловичем письмо я увёз с собой, так же, как и приглашение на научную конференцию Института вирусологии.

После этой конференции и состоялась моя следующая встреча с этим удивительным человеком. Я до сих пор помню, какое сильное впечатление произвела на меня эта конференция. Я работал в области вирусологии ещё очень непродолжительное время, и, конечно, слушая доклады ведущих учёных по стране, по настоящему понял, какой интересной и важной проблемой занимаюсь. Сразу после окончания, я, стоя в окружении знакомых мне по работе в институте молекулярной генетики учёных, обсуждал только что услышанные доклады. Неожиданно, прислушавшись к нашему разговору, подошёл Виктор Михайлович. Поздоровался, пожал руку. Помню, как меня поразило, что он помнил, кто я и как мое имя и отчество. Спросил впечатления о конференции и пригласил к себе в кабинет. Стал расспрашивать, как идет работа со штаммами вируса гриппа, которые мы получили. Пожелал успехов, и мы попрощались.

Мы виделись ещё несколько раз, на различных конференциях и совещаниях в Академии медицинских наук, но ещё хотя бы раз поговорить долго, серьёзно больше не пришлось. Он так рано, так неожиданно ушёл из жизни... Но для меня остался одним из учителей. Пусть не формальным (хотя мы все учились вирусологии по его книгам и статьям), но учителем по жизни. Я, может быть, в первый раз понял, что великие учёные – это ещё и, как правило, великие люди и учителя. Своим вниманием, доброжелательностью, желанием помочь молодому исследователю, начинающему свой путь в науке, Виктор Михайлович Жданов для меня всегда останется примером настоящего учёного и человека с большой буквы.